

История философии

69 Ницше и введение в феноменологию.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Вы помните, что в прошлый раз я подчеркивал его волюнтаристский взгляд на человеческую природу. Влияние таких людей, как Шопенгауэр, становится довольно очевидным в его рассуждениях о волевых и слабовольных, о дионисийском и аполлоновском началах, а также в его взгляде на то, что все наши ценности в конечном счете восходят к этой воле к власти, которая пронизывает все. Таким образом, наши неэгоистичные ценности — это просто месть, обращенная внутрь нас самих, и так далее.

Кроме того, мы говорим о его натурализме, потому что он находит биологическую основу для всего этого. Биологическую основу в том смысле, что, хотя он и мыслит как эволюционный натуралист, его эволюционная теория не является теорией дарвиновского естественного отбора. Это слишком постепенный процесс, и всё, что он породит, — это слабовольные конформисты, приспособляющиеся к окружающей среде, а не преодолевающие её.

Его биология скорее относится к биологическому витализму. То есть, жизнь — это созидательная сила, пронизывающая всё органическое существование. В некотором смысле это аналогично тому, что вы читаете о Бергсоне в главе о Уайтхеде и Бергсоне, который видит во всей природе как статическую, так и динамическую или созидательную составляющую, тенденцию, которая проявляется в двух разных типах человеческого мышления.

Аналитическое и творческое, интуитивное. Не нужно писать о двух полушариях мозга, речь идёт не о такой биологии. Скорее, речь идёт о биологическом витализме.

Теперь, этот биологический витализм, наряду с волюнтаризмом, безусловно, повлияет на все, что он говорит о человеческом знании, человеческом мышлении и эпистемологии. И чтобы конкретно остановиться на этом, что, как я подозреваю, сегодня является наиболее влиятельной частью Ницше, поскольку это подпитывает постмодернизм, не могли бы вы открыть антологию на странице 323? 323. И вы будете озадачены первым абзацем, хотя меня интересует именно второй абзац.

Первый абзац поможет вам понять всю последовательность событий. В нём говорится, что после смерти Будды люди на протяжении столетий показывали его тень в пещере — огромную, ужасающую тень. Бог умер, но по мере развития

человечества, возможно, ещё тысячами будут существовать пещеры, в которых люди будут показывать его тень.

И нам еще предстоит преодолеть его тень. Вот, видите ли, это его сатирический способ сказать, как он делает и в других контекстах: Бог мертв, но вы должны стать смыслом жизни на земле. Вы должны быть его богом, понимаете.

Что ж, в пункте 109, на странице 323, говорится о том, от чего этому новому сверхчеловеку нужно остерегаться, если это произойдет. Давайте будем настороже и не будем думать, что мир — это живое существо. Это вызывает множество вопросов и говорит о том, что это вызывает у меня отвращение.

А теперь, восемью строками ниже, давайте будем осторожны и не будем верить, что Вселенная — это машина. Она, безусловно, не создана с какой-либо одной целью. Мы слишком уж почитаем её, называя словом «машина».

Давайте будем осторожны и не будем предполагать, что что-либо столь методичное, как циклические движения соседних звёзд, существует повсеместно и во всей Вселенной. А суть, общий характер мира, с другой стороны, — это на протяжении всей вечности хаос. Не из-за отсутствия необходимости, а в смысле отсутствия порядка, структуры, формы, красоты, мудрости или как бы ещё ни назывались наши эстетические гуманитарные науки.

А затем, на странице 324, примерно в середине первого абзаца, давайте будем осторожны с утверждением, что существуют законы природы. Существуют только необходимые условия. Нет никого, кто бы повелевал, подчинялся или нарушал их.

Когда вы знаете, что нет никакого замысла, вы также знаете, что нет и никакой случайности. Ведь только там, где существует мир замысла, слово «случайность» имеет смысл. Давайте будем осторожны и не будем говорить, что смерть противоречит жизни.

Живые существа — это лишь вид мертвых, очень редких существ. Да, слабовольные — это просто живая смерть. Давайте будем осторожны и не будем думать, что мир вечно создает новое.

Вечных субстанций не существует. Материя — всего лишь очередная ошибка. Таков Бог элеатиков.

Теперь, если вы пересмотрите это, то заметите, что он, и я использую это слово не случайно, деконструирует все известные теории о Вселенной. Понимаете ?

Вот эти попытки рационального объяснения, ни одна из которых не работает. Похоже, в этом и заключается его цель.

Понимаете ? Так что можно смело сказать: давайте будем начеку и не будем думать. И точка. Понимаете ? И я так понимаю, это его главная мысль.

Давайте будем осторожны с размышлениями. А если вы позже перейдете к 340... Теперь вернемся на три... Давайте посмотрим, давайте посмотрим, что именно я искал? Это было что, 323? 333, кажется, это то, что мне нужно. Нет, сначала 326, прошу прощения, 326.

Раздел 111. О происхождении логики. Откуда логика зародилась в головах людей? Несомненно, из чего-то нелогичного. Да, существует творческий импульс, непредсказуемый, иррациональный и так далее.

Область, которая изначально, должно быть, была огромной. И в нижней части страницы ни одно живое существо не сохранилось бы, если бы не противоположное стремление утверждать, а не откладывать суждение, ошибаться, а не ждать, соглашаться, а не отрицать, принимать чью-либо сторону, а не быть правым, если бы это не культивировалось с необычайной тщательностью. Ход логического мышления и рассуждений в нашем современном мозге соответствует процессу и борьбе импульсов, которые по отдельности и сами по себе нелогичны и несправедливы.

Обычно мы ощущаем только результат борьбы. Так быстро и незаметно в нас теперь действует этот примитивный механизм. Вы помните, что у таких людей, как Гоббс и Спиноза, детерминистов, существовало представление о том, что процесс рассуждения часто представляет собой просто чередование альтернативных эмоций, альтернативных импульсов какого-либо рода.

Вот, видите ли, в природе происходит то же самое, но с той разницей, что вместо того, чтобы одно просто было тяжелее другого, и поэтому решение принималось таким образом, здесь это произвольная созидательная сила, которая просто утверждает одно против другого. И, соответственно, весь вопрос рациональности в конечном итоге является нелогичным процессом, не имеющим под собой никаких оснований. А затем, что касается 333, 333, параграфа 4, ложность мнения для нас не является возражением .

Возможно, именно здесь наш новый язык звучит наиболее странно. Вопрос в том, насколько то или иное мнение способствует развитию жизни, сохранению жизни, сохранению видов, а может быть, и их размножению, и мы в принципе склонны высказывать самые ложные мнения, утверждать, что самые ложные мнения для нас наиболее необходимы, что без признания логических фикций, без сравнения реальности с чисто воображаемым миром, без постоянного

подделывания мира человек не мог бы жить. Отказ от ложных мнений был бы отказом от жизни, отрицанием жизни.

Признавая ложь как условие жизни, философия, которая осмеливается это сделать, тем самым ставит себя выше добра и зла. Таким образом, поиск истины перестаёт быть проблемой. Дело не в этом.

Его роль в формировании наших теорий и убеждений носит исключительно инструментальный характер. Мы создаём их для собственных целей, как выражение стремления к власти. И вот на следующей странице, на странице 344, вы найдёте типичную для него сатиру, адресованную некоторым из ваших любимых персонажей.

Так, спустя полдюжины строк, на странице 344, он говорит о зрелище тартуфства старого Канта, столь же чопорного и приличного, которым он заманивает нас в диалектические окольные пути, ведущие к его категорическому императиву. Он делает нас придирчивыми к улыбке, нас, тех, кто находит немалое удовольствие в выискивании тонких уловок старых моралистов и проповедников этики. Затем он говорит, или, скорее, еще больше говорит о чепухе в математической форме, посредством которой Спиноза, так сказать, облачил свою философию в доспехи и маску.

Знаете, как можно критиковать Спинозу за его жёсткую логику? Он берёт этот взгляд на человеческое знание, на утверждения об истине, и применяет его полностью к эпохе Просвещения XVIII века. И наконец, на странице 366, где он говорит о моральном знании, есть этот абзац. Моё требование к философу состоит в том, чтобы он занял позицию, выходящую за рамки добра и зла.

Это название одной из книг Ницше, из которой взят этот отрывок. По ту сторону добра и зла, он оставляет иллюзию морального суждения ниже себя. Моральное суждение иллюзорно.

Это требование вытекает из идеи, которую я первым сформулировал. Видите ли, он не боится эгоизма. Любое неприятие эгоизма было бы просто нападением на самого себя .

Имейте это в виду. Он — отъявленный эгоист. Но первым, кто это сформулировал, было утверждение, что моральных фактов не существует.

Моральные суждения согласуются с религиозными в вере в реальности, которые на самом деле не являются реальностью. Мораль — это всего лишь интерпретация определённых явлений, точнее, неверная интерпретация. Моральные суждения, как и религиозные, относятся к той стадии невежества,

на которой ещё отсутствует само понятие реального и различие между реальным и воображаемым.

Таким образом, на данном этапе истина обозначает всевозможные вещи, которые сегодня мы называем фантазиями. Поэтому моральные суждения никогда не следует воспринимать буквально. Они всегда содержат в себе чистую нелепость.

В семиотическом плане они остаются бесценными. Семиотически, то есть, они являются знаком чего-то. Они раскрывают, по крайней мере для тех, кто понимает, самые ценные реалии культур и внутренних миров, которые не обладали достаточными знаниями, чтобы понять самих себя.

Таким образом, мы считаем, что наши ценности в некотором смысле объективно реальны. Те, кто понимает, осознают, что это всего лишь язык выдавания желаемого за действительное, всего лишь симптоматика. Чтобы извлечь из этого выгоду, нужно знать, о чём идёт речь.

Итак, нет никакой истины, никаких объективных моральных качеств, никакой основы в реальности для морального знания, никакой основы для любого рода знания. Теперь вы понимаете, почему я пишу на доске «Ницше, скобки и постмодернизм»? Потому что я подозреваю, что в радикальном постмодернизме нашего времени именно Ницше является наиболее влиятельной силой. Иными словами, постмодернизм, отвернувшийся от более скромных эпистемологий, по-прежнему хочет выдвигать утверждения об истине, но в более скромной форме; радикальный постмодернизм сегодня отвернулся от этого, от разговоров об истине вообще, по сути, к политике власти, понимаете.

А политизация университета, о которой вы сейчас читаете в прессе, — это просто ницшеанская воля к власти определенных групп интересов, которая, видите ли, выворачивается наизнанку, чтобы утвердить подобные вещи. Таким образом, мы создаем свою собственную истину благодаря той полезности, которую мы навязываем тем, кто ей противостоит. Политизация.

Хорошо, понятно? Вы понимаете, к чему он клонит? Я должен сказать, к чему он клонит, Ницше. Хорошо. Он говорит то же самое и в других местах.

Давайте посмотрим. Да, вот один из них. За логикой стоят оценочные суждения, или, говоря проще, физиологические потребности в сохранении определенного вида жизни.

Видите ли, все ваши аргументы доказывают лишь то, почему вы вообще считаете необходимым это делать. А он говорит о позитивизме с его

объективными эмпирическими данными как о демократическом самовосхвалении свободного интеллекта. Демократическом потому, что любой может получить эмпирические данные.

Понимаете, скептицизм — это некое расплывчатое физиологическое качество, которое в обиходе называют нервной слабостью. Болезнь, лишённая решительности.

Ему не хватает воли к истине. Понимаете, если у вас нет воли к тому, чтобы утверждать что-либо как истину, вы слабовольны.

Нервная слабость. Это ужасно. А если, с другой стороны, вы спросите Ницше: «А всё это правда?» Помню, я задал этот вопрос на одном из курсов в аспирантуре, и профессор ответил: «Ах, Ницше бы от души посмеялся над этим».

И, кстати, в одной из своих книг он пишет, что плохо отплачивает учителю, оставаясь всего лишь учеником. Я призываю вас потерять меня и найти себя, и только когда вы откажетесь от меня, я вернусь к вам. Понимаете? Ницше настаивал на том, что ничто не истинно.

Даже не то, что я вам говорю. Даже не это. Теперь, знаете ли, это, очевидно, поднимает старую дилемму лжеца из древности, когда один критянин сказал: «Все критяне — лжецы».

Итак, если критянин говорит вам, что все критяне лжецы, говорит ли он правду? Если он говорит правду, значит, он лжёт. Если все критяне лжецы, значит, лжец — он сам. Но если он говорит вам ложь, значит, он не говорит правду о том, что все критяне лжецы.

И неправда, что критяне лжецы. Видите ли, у вас такая же дилемма. Точно так же, Ницше, вы не понимаете, что он имел в виду.

Он не только отвергает стремление к любым видам знаний. Истины. И он особенно категорично заявляет об этом, когда речь идёт об этике и религии.

Я думаю, это совершенно верно. Хорошо. Я сказал, что он деконструирует различные теории о Вселенной, потому что, конечно же, деконструктивизм — это постмодернизм в литературной интерпретации.

Интерпретация чего угодно. Хорошо. Хотите что-нибудь прокомментировать по поводу Ницше? Киркегора? Да.

Да. Да. Ага.

Помните, что основной тезис Ницше, и не спрашивайте меня, считает ли он его верным, — по крайней мере, он считает его полезным. Вы сами увидите.

Его основной тезис касается воли к власти. И он имеет биологические корни. Это полезный тезис.

В этом случае движущей силой эволюционного процесса является не стремление к единообразию, не желание гармонии и не желание решить все проблемы адаптации. Движущей силой, если хотите, является краснозубый, кровожадный когтист.

Мы победим. Это не дарвинизм, а скорее виталистическая эволюция, которую Бергсон называет созидательной эволюцией.

Внезапные всплески новизны, непредсказуемые с точки зрения всех механизмов. Хорошо. Этот биологический витализм был популярен на протяжении XIX века, примерно до 1940-1950 годов.

Постепенное развитие биохимии и признание модели Уотсона-Крика и тому подобного в отношении ДНК. Это настолько устаревший витализм, как вы увидите, что мы больше не рассматриваем жизнь как самостоятельную созидательную силу, отличную от материальных элементов, на которых она воздействует. А скорее как функцию определенных высокосложных биохимических соединений.

Другая точка зрения . Так что витализм сейчас не очень популярен. Ах, этот эмотивизм в его этике.

Да, мне следовало это уточнить. И последнее: моральных фактов не существует. То есть, нет истины о добре и зле.

, которые можно было бы познать, не существует. Что же тогда представляют собой моральные суждения? Выражения эмоций, воли к власти или слабовольности , в зависимости от обстоятельств .

Что мы делаем , когда одобряем или не одобряем что-либо? Мы выражаем свои эмоции по этому поводу. Таким образом, возникает эмоциональная интерпретация этики, которая, конечно же, находит параллели в позитивизме, как мы увидим в англо-американской традиции. Это не просто субъективистская этика.

Этический субъективизм — это точка зрения, согласно которой, когда я говорю, что что-то правильно или неправильно, я говорю о своих субъективных

взглядах. Нет, по мнению Ницше, вы не говорите о своих взглядах. Вы просто выражаете их, применяете на практике.

Это что-то новенькое. Хорошо. Да.

Рорти . Нет. Да, Рорти опирается на множество источников, одним из которых является Ницше.

Дьюи — ещё один. Витгенштейн — ещё один. Так что это целая смесь разных личностей.

ли Рорти, что Ницше выдвигает утверждения об истине? Я так не думаю, но хотел бы перепроверить это у Рорти . Кажется, он называет это естественным изменением своей мысли. Хорошо, теперь я полагаю, что перевернутый платонизм будет означать, что теория находится здесь, или, еще лучше, идеология находится здесь.

И это всё? А фактические утверждения находятся здесь. В этом смысле, фактические утверждения, которые мы делаем, обусловлены нашими идеологиями. Хорошо, теперь вы понимаете, что это было бы своего рода ницшеанством, если бы вы были готовы сказать, что идеологии — это, по сути, выражение воли к власти.

Эмоции в этом смысле. Да, и это, возможно, полезно, потому что помогает увидеть сходства между Ницше, Фрейдом и Марксом. Вы поняли? Вы вот что знаете о Ницше.

Вы знаете, что Фрейд говорил о подсознании. Которое проявляется самыми разными способами как в нашем мышлении, так и в наших действиях. Роль эдипова комплекса у Фрейда.

Его книга «Моисей и монотеизм», в которой вера в Бога рассматривается как проекция эдипова комплекса. Понимаете ? То есть, основой здесь является эмоциональная жизнь Фрейда. Маркс же, да, основой является материальные условия существования и отчуждение, которое они порождают.

И из-за условий отчуждения — от собственного труда, от самого себя и так далее — вы снова, если хотите, получаете иррациональную подструктуру в разрабатываемых вами теориях и создаваемых вами социальных структурах. Понимаете ? А если вы читали «Коммунистический манифест», то обнаружите утверждение, что все наши моральные стандарты — это всего лишь выражение классового конфликта. Так что подобное присутствует и в этих трех случаях.

И имя социолога Макса Вебера тоже здесь уместно. Потому что, хотя Вебер много говорит о ценностях, они кажутся относительными, проекцией идеологий. Понимаете? Вы упомянули королевскую семью, но другой писатель, который очень подробно рассматривает этот вопрос, — Алан Блум.

Я пытаюсь вспомнить название книги Блума: «Закрытие американского разума». Многие ли из вас её читали? Подозреваю, что да, за исключением центральной части, где он рассматривает этих людей. По крайней мере, большинство людей, с которыми я общаюсь и которые читали Блума, не читали центральную часть, которая носит очень философский характер.

Возможно, вы и слышали. Я надеюсь, что да. Но Блум начинает свою книгу с жалобы на то, что современный студент университета говорит так, будто не существует истины и лжи, правильного и неправильного.

Вы это уже слышали? Что ж, сегодня вы это услышали. Он утратил всякое чувство собственной идентичности и не имеет мировоззрения, на котором можно было бы основывать все эти вещи. Вот на что он жалуется.

Алан Блум — профессор социальной теории в Чикагском университете. Он прослеживает истоки этой ситуации до этих континентальных мыслителей, которых считает источником проблемы. Думаю, моя реакция на это, и я написал об этом статью, такова: это не вся история.

По крайней мере, в англоязычном мире влияние, как мне кажется, в значительной степени исходит от позитивистской традиции. С её утверждением, что мы, прагматистская традиция, имеем лишь инструментальное представление об истине и смысле. Позитивистская традиция считает, что все ценности — это всего лишь выражения эмоций.

Вы видите все это. Так что в обществе сформировался определенный комплекс. Я думаю, возможно, одно из отличий королевской семьи от Блума заключается в том, что он впитывает в себя как англо-американские, так и континентальные влияния.

Но это часть постмодернизма нашего времени. Хорошо. Философское влияние Ницше, вспомните Ницше примерно 1900 года, безусловно, сохранялось и в первой половине этого столетия.

Карл Ясперс — один из тех, кто в какой-то степени перекликается с его взглядами. И большая часть литературы по экзистенциализму упоминает Ясперса, хотя, я думаю, сейчас его влияние значительно уменьшилось. Но в первой половине века он был довольно заметен.

Ясперс был недоволен тем, что делал Ницше. Ему казалось, что такие люди, как Кьеркегор и Ницше, слишком сильно разграничивают человеческую субъективность, то есть эти глубинные измерения внутренней жизни, о которых говорит Ницше, и Кьеркегор. Слишком сильно разграничивают эти внутренние измерения с тем, что он называет эмпирическим существованием, которое мы имеем как существа в этом мире.

Если хотите, между научным и экзистенциальным существует слишком большой разрыв. И поэтому в своей книге «Разум и существование», где существование рассматривается как средство для экзистенциальной подлинности, Ясперс указывает на то, что это не должно быть либо «или-или», а скорее «и то, и другое». И он выделяет три измерения человеческого бытия.

Существует наше эмпирическое существование, то, что он называет Dasein, буквально бытие там, бытие там, но просто еще один объект, еще одна сущность. Существует сознание как таковое; здесь он имеет в виду акцент Канта на трансцендентальном эго, Декарта, Cogito Ego Sum; существует эта внутренняя ментальная жизнь. Затем, в дополнение, существует дух, термин Geist в европейском смысле, с которым мы познакомились у Гегеля, который связан с культурным творчеством.

Третий аспект подчеркивали идеалисты, второй — эпоха Просвещения, третий — эмпирическая наука. И, по мнению Карла Ясперса, подлинное человеческое существование не существует до тех пор, пока эти три измерения не будут должным образом интегрированы, охвачены неким основанием бытия, которое мы осознаем. Некое всеобъемлющее основание бытия, umgraffende, — так он это называет.

И тогда Ясперс говорит о преодолении чисто безличного, неаутентичного, эмпирического существования. О преодолении простого просветительского представления о сознании и рациональности. О преодолении даже самой жизни культуры — вы чувствуете здесь кьеркегоровский оттенок? Этапы жизненного пути? Преодоление всего этого в акте веры, который начинает звучать почти как религиозный.

А сущность, природа этого трансцендентного существа, всеобъемлющего существа, — это то, о чём мы говорим только в символах и шифрах. Мы не можем это концептуализировать. Это как если бы в феноменологии сознания Гегеля триада искусства, религии и философии была такова, что у вас могут быть свои художественные символы, у вас могут быть свои религиозные символы, но синтеза нет.

Иными словами, философская концептуализация невозможна. Поэтому в акте веры задействовано скорее экзистенциальное отношение, чем когнитивное понимание. Что ж, Карл Ясперс — интересная личность.

Его жена была еврейкой, и когда, я забыл, в каком городе, её освободили союзники во время вторжения в Германию, выяснилось, что Джаспер и его жена были внесены в список на депортацию в лагерь смерти на следующей неделе. Так он просто сбежал таким образом. Ладно, Ницше.

И я думаю, что Ясперс — хороший критик Ницше. То, что он называет, — это всего лишь один ограниченный аспект человеческих интересов. Творчество человеческого духа, это третье измерение, отсутствующее в других.

Итак, я хотел бы перейти к нашей следующей теме в рамках экзистенциализма. А именно, попытаться объяснить, что такое феноменология в XX веке. Мы признаем, что этот термин, этот метод, действительно, уходит корнями в Гегеля.

Но феноменология XX века гораздо более развита, гораздо сложнее. И я думаю, что даже если мы собираемся просто говорить об экзистенциализме, нам необходимо понимать феноменологию. История этого явления примерно такова.

То есть, Кьеркегор и Ницше относятся к первому этапу экзистенциализма, как реакция на Просвещение. Хорошо, Кьеркегор и Ницше. И вы замечаете, что их работы действительно носят описательный характер.

Это скорее интроспективная психология самопознания или что-то в этом роде, чем что-либо еще. Здесь нет строгого философского метода. Но по мере приближения к XX веку обнаруживается, что влияние Кьеркегора и Ницше сочетается с более строгим феноменологическим методом, который развивается из первоначальных гегелевских корней.

Феноменологический метод, который в своей наиболее строгой форме обычно приписывают немецкому философу Эдмунду Гуссерлю. Хотя он также применяется и раньше, и параллельно с Гуссерлем, у целого ряда других философов. В европейской традиции.

Такое описание относится к структурам внутреннего сознания. Эта комбинация становится очевидной у Мартина Хайдеггера, который в своё время был аспирантом-исследователем, работавшим с Гуссерлем. И в некоторых аспектах его взгляды частично совпадают с взглядами Гуссерля.

И точно так же, люди вроде Сартра. Таким образом, Сартр, которого вы будете читать на следующей неделе, представляет собой более философски строгий

феноменологический метод в экзистенциалистском ключе. Теперь уместно назвать Киркегора и Ницше экзистенциальными мыслителями.

Экзистенциалисты. Да. Вполне уместно называть этих двух людей экзистенциалистами.

Но их часто отличают от остальных как феноменологических экзистенциалистов. В силу феноменологии. То есть, их метод — это своего рода экзистенциальная феноменология.

Феноменология человеческого существования. Экзистенциальных измерений человеческого существования. Но феноменология Гуссерля была разработана не для этого.

Гуссерля больше интересовала феноменология трансцендентального эго. Поэтому его оригинальные работы называют трансцендентальной феноменологией, чтобы отличить их от экзистенциальной феноменологии. Вряд ли стоит говорить только о Гуссерле и экзистенциализме.

поступили , вы бы провалились . Он же разрабатывает свой метод. Сейчас появляются и другие европейские писатели.

К ним, как мне кажется, также больше повлиял ранний Гуссерль. И среди них я бы назвал французского философа Мориса Мерло-Понти. Я бы также упомянул французского философа Поля Рикёра, вероятно, величайшего из ныне живущих французских философов.

Он жив, на пенсии. Последние несколько лет полгода преподавал в Чикагском университете. Время от времени преподает в Монреальском университете.

Но он по-прежнему полгода преподает в Сурабате . Сейчас, кажется, он на пенсии. Кстати, лет 20 назад он был главным докладчиком на нашей философской конференции.

Когда он преподавал в Монреале, он был французским протестантом, принадлежащим к французской реформатской традиции. Поль Рикёр.

Ещё одно имя, во многом находящееся под влиянием раннего Гуссерля, — это Ганс-Жорж Гадамер. Кто же на самом деле является главной фигурой? Не очень-то похож на Гадамера, не правда ли? Кто же на самом деле является ключевой фигурой в развитии того, что мы называем феноменологической герменевтикой?

Потому что это тот вид герменевтики, который говорит о субъективных рамках и влияниях, вторгающихся в процесс интерпретации. Понимаете ? Чтобы говорить об этом, необходимо провести феноменологический анализ того, как субъективность действует в процессе интерпретации. И именно Гадамер блестяще это сделал.

И этой субъективности отводится чрезмерная роль у деконструктивистов, таких как Поль де Ман. Но именно Гадамер является ключевой философской фигурой в развитии современной герменевтики.

Кстати, для тех из вас, кто знаком с теологией, позвольте мне сказать, что слово «герменевтика» используется гораздо шире, чем просто в контексте теологии. Оно означает интерпретацию. Поэтому оно используется в отношении науки.

В контексте социальных наук. Используется для интерпретации ситуаций. Для интерпретации человеческих действий.

Оно используется в истории. Оно используется в литературе. И во всём остальном.

Это используется при чтении философского текста. И так далее. Вот так.

Итак, прежде всего , мы хотим разобраться с феноменологическим методом. Начнём с этого сегодня. Я хочу это прояснить.

Я хочу сказать кое-что о том, что Хайдеггер с этим делает. Затем, конечно, более подробно, о Сартре, потому что вы читаете Сартра как пример этого феноменологического метода. И затем я хочу сказать кое-что о герменевтической традиции, и в частности о Гадамере.

Итак, это наша повестка дня до конца следующей недели. Теперь, что такое феноменология? Как философский метод, она доминирует в европейской философии. В нашей стране она доминирует в римско-католической философии.

Можно сказать, это произошло из-за почти что тайной операции. Суть истории в том, что в начале Второй мировой войны, или, может быть, незадолго до неё, до бывших учеников Гуссерля дошла весть о его смерти, о том, что нацисты собираются конфисковать все его труды и уничтожить их из-за его еврейского происхождения. И вот, глубокой ночью, католический священник, один из этих учеников, спрятал все бумаги Гуссерля в багажнике своей машины и помчался через бельгийскую границу в Лувенский католический университет, где и захватил архивы Гуссерля.

Лувенский университет — один из крупнейших католических университетов Европы, оказывающий значительное влияние. Еще в 1878 году Папа Римский, в свете всех религиозных, социальных и философских событий XIX века, издал энциклику под названием «Aeterni Patris» (Вечные Отцы), призывающую к возвращению к философским и теологическим источникам Фомы Аквинского. Это положило начало неотомистскому движению, которое продолжается и в XX веке.

Лувенский университет немедленно перехватил инициативу, присоединился к общему движению и стал центром неотомистских исследований в Европе. Французский кардинал Мерсье, работавший там, энергично писал в этом ключе, утверждая, что томизм — это христианская философия нашего времени. Кстати, до сих пор некоторые католические философы, если вы упомянете им фразу «христианская философия», будут думать о Фоме Аквинском.

Я помню, как десять или двенадцать лет назад, когда было организовано Общество христианских философов, мы обсуждали, как его следует назвать. Первоначально предлагалось назвать его Обществом христианской философии. Затем стало очевидно, что наши друзья-католики в этой группе считали христианскую философию томизмом.

Я привык использовать термин «христианская философия» для обозначения плюралистической традиции философствования с христианской точки зрения, и двусмысленность стала очевидной. Поэтому мы назвали её Обществом христианских философов, и это устранило двусмысленность. Но в любом случае, тот факт, что в 1945, 46, 45 году, кажется, Лувен обнаружил, что Архив Гуссерля изменил свою философскую идентичность.

И оно стало центром феноменологических исследований. И католики, которые продолжали туда ходить, стали ориентироваться на феноменологию. Среди них, кстати, был и нынешний Папа, который, вернувшись из Польши, опубликовал собственные феноменологические исследования.

Итак, история о плаще и кинжале. Ну, не совсем о плаще. Да, о плаще, но не совсем о кинжале.

Хорошо, перейдём к этой истории. Итак, какое влияние она оказала. Феноменология — это не теория.

Я еще раз это подчеркиваю. Это не система мышления. Это не философская позиция.

Это метод. Проект. А феноменологическое описание, как я уже говорил, восходит к Гегелю.

А в неформальном плане — у таких авторов, как Ясперс. И у некоторых других экзистенциальных писателей, которых я упоминал, например, у Марселя, Бубера и так далее. Но сам метод был сформулирован Гуссерлем.

По крайней мере, более технический метод был сформулирован Гуссерлем, который умер в 1938 году. Сейчас у Гуссерля три основных вопроса. Первый — это то, что он считает провалом философского натурализма.

Провал философского натурализма. Теперь он использует натурализм в смысле чисто научных объяснений. Объяснений вещей.

Итак, если говорить о попытках найти основы логики. Да, на каких основаниях зиждутся законы логики? Или основы математики, что, в общем-то, то же самое. Или основы естественных наук.

Видите ли, все они исходят из предположений о человеческом знании и истине. Пытаясь заложить эти основы для математики, естественных наук и логики, натуралист лишь утверждает, что все это происходит из-за нерациональных процессов. Психологические объяснения с точки зрения определенных психологических процессов, которые приводят к отождествлению того, этого и другого.

Если хотите, Ницше даёт психологическое объяснение. Фрейд — тоже. Или историческое объяснение.

Так это происходило исторически. Или, возможно, это социологические объяснения. Или культурные влияния.

Таким образом, Гуссерль критикует психологизм, историзм и социологизм.

Сциентизм. А теперь перейдём к «измам». Утверждение, что всё можно объяснить с помощью научных методов.

Включая основы логики, математики, науки и всего человеческого знания. Именно этому противостоял Гуссерль. Он хотел более прочных основ.

Чтобы логика, математика и философия действительно могли основываться на неоспоримых предпосылках. Другими словами, он хочет нового фундаментализма. Он хочет нового фундаментализма.

Его идея заключается в том, что феноменологический метод может вернуть нас к этим основам. А они заложены в самой структуре человеческой природы. В структуре сознания.

Кстати, в прошлом году у нас выступал Даллас Уиллард из Университета Южной Калифорнии. Кто-нибудь из вас его слышал? Он прочитал серию лекций против постмодернизма. Против антиреализма нашего времени.

Уиллард — специалист по Гуссерлю. Его аргументация основывалась на феноменологическом методе, направленном на противодействие постмодернизму и антиреализму того времени. Иными словами, он пытался доказать, что феноменологическое описание может обеспечить достаточно глубокое понимание определённых структур сознания.

Чтобы избежать скептицизма, релятивизма, присущего этому антиреалистическому взгляду. Я вернусь к этому чуть позже. Вторая его обеспокоенность по поводу натурализма заключается в том, что он увековечивает дихотомию субъект-объект.

Эта теория увековечивает дихотомию субъект-объект, поскольку стремится говорить исключительно об объективных вещах: исторических причинах, объективирующих психологических процессах и социологических процессах. Она заинтересована только в объективистских объяснениях, исключающих роль человеческого субъекта.

Таким образом, происходит утрата творческого потенциала, конструктивного вклада человеческого духа. Иными словами, натуралист обошел стороной кантовскую коперниканскую революцию. Поэтому Гуссерль стремится к новому фундаментализму, который признает кантовскую коперниканскую революцию.

Это должна быть наука о творческой, созидательной деятельности человеческого духа в организации опыта. И именно поэтому это должна быть феноменология трансцендентального эго. Того эго, которое превосходит все частные аспекты конкретного опыта.

Это эго, которое у Канта представляет собой нечто, что прекрасно схематизирует формы и категории в трансцендентальном единстве апперцепции. Он хочет гораздо внимательнее изучить этот вопрос. Что ж, в следующий раз мы попробуем рассказать, как он это делает.